

Житие протопопа Аввакума
(Анализ текста)

Томск - 2006

План

1. Личность протопопа Аввакума и основные причины раскола русской церкви.
2. История изучения текста Жития протопопа Аввакума в филологической науке XX века.
 - а) вопросы стиля,
 - б) проблема художественности,
 - в) символичность аввакумовского текста.
3. Проблема жанра Жития протопопа Аввакума.
 - а) основные черты жанра духовного завещания,
 - б) аввакумовский текст как «самоотчет-исповедь»
4. Анализ текста:
 - а) вступление,
 - б) жизненный путь протопопа,
 - в) заключение.

Личность протопопа Аввакума и основные причины раскола русской церкви.

Протопоп Аввакум (1621-1682гг.) был выдающимся “писателем” XVII века, вошедшего в историю под названием века “бунташного”. Его “Житие” - своеобразная автобиография или духовное завещание - принадлежит к шедеврам русской и мировой литературы.

Два автографа - собственноручно написанные Аввакумом тексты его “жития” были найдены и изданы учеными только в XX веке. Впервые же “Житие” Аввакума было опубликовано академиком Н.С.Тихонравовым в 1862 году по копии, сделанной одним из старообрядческих переписчиков рукописей. Эта публикация стала событием в литературной жизни России. Многие известные деятели культуры и литературы (И.С.Тургенев, Л.Толстой, М.Горький, Н.С.Лесков, И.А.Бунин и др.) откликнулись на это событие. Они высоко оценили язык и стиль аввакумовского текста и восхищались стойкостью, верностью идее, энергией борца, силой духа самого Аввакума. Например, И.С.Тургенев отмечал, что Аввакум “писал таким языком, что каждому писателю следует изучать его”. Л.Толстой и М.Горький рекомендовали включить “Житие” Аввакума в программу школьного обучения. Писатели восхищались “живым русским языком” Аввакума. Это не случайно. Сам Аввакум неоднократно писал о красоте и могуществе русского языка. Например, в третьем варианте “Жития” Аввакум, обращаясь к своим современникам и потомкам писал: “. . . вы. . . чтущие и слышавшие, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных Бог слушает, но дел наших хочет . . . того ради я и не брегу о красноречии, и не унижаю своего языка русскаго. . . “ Аввакум писал также царю: “ Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек, говори своим природным языком: не унижай ево и в церкви, и в дому, и в пословицах. Любит нас Бог не меньше греков, передал нам грамоту нашим языком Кириллом святым и братом его”. Как отмечает А.Н.Робинсон, Аввакум в словах “русский” и “природный” язык фактически объединял два языка, существующие в то время, живой разговорный русский язык и книжный, письменный церковно-славянский язык, который Аввакум знал также в совершенстве, будучи исключительно начитанным в святоотеческой литературе человеком.

В “Житии” Аввакум сообщает о своем происхождении. Отец - сельский священник Петр, “прилежаша пития хмельнова”, т.е. был пьяницей и рано умер, а мать именем Мария была “молитвенница и постница”, в иночестве Марфа. Она женила семнадцатилетнего сына на четырнадцатилетней сироте Анастасии, дочери кузнеца Марка. Церковная карьера Аввакума складывалась успешно благодаря феноменальной памяти и исключительной начитанности в богослужебной литературе. В 23 года он был поставлен в

попы, а в 31 год в протопопы в Юрьеве-Польском Нижегородской губернии. (Отметим, что именно в Нижегородском крае были владения высших церковных иерархов, что и определило будущее знакомство протопопа Аввакума с царским духовником Стефаном Вонифатьевым). Служил он делу Божьему истово, в результате чего возникали многочисленные конфликты с паствой. Затем Аввакум с семьей переехал в Москву, сблизился с придворным духовенством, был представлен царю Алексею Михайловичу (1629-1676), служил в церкви Казанской Божьей Матери (на Красной площади), где проявился его незаурядный талант проповедника. “Много людей приходило”, - напишет он потом в “Житии”.

В середине XVII века в среде столичного духовенства образовался КРУЖОК ДРЕВЛЕГО БЛАГОЧЕСТИЯ, стремящийся оздоровить духовную атмосферу русского общества после Смутного времени, обусловившего «смуту» прежде всего в душах людей (разрушилась вера в идею Москва-Третий Рим). В него вошли будущий патриарх, архимандрит Новоспасского монастыря, а затем митрополит Новгородский, **Никон**, протопопы **Иван Неронов** и **Аввакум**, окольный **Федор Ртищев**, а возглавил кружок царский духовник **Стефан Вонифатьев**, через которого осуществлялось воздействие на царя. Он был фактическим главой церкви, по его указанию “избирались” патриархи, собирались соборы и т.д. “Ревнителю” требовали некоторой организационной перестройки русской церкви для укрепления в ней нравственности и благочестия. Для этого необходимо было упорядочить богослужение и исправить многовековые ошибки в русских рукописных богослужебных книгах, возникшие в результате механического переписывания, делавшие непонятным и без того сложный текст церковной службы. В это время возникла проблема введения ЕДИНООБРАЗИЯ во всем богослужении, что требовали и внутренняя ситуация в стране и внешнеполитические цели для укрепления связей России с остальным православным миром. (Например, сблизить российскую церковь с украинской в связи с воссоединением Левобережной Украины с Россией в 1654 году. Украинская православная церковь, подчинявшаяся Константинопольскому патриархату к тому времени уже прошла аналогичную реформу, изменив некоторые элементы обряда (сменив вслед за греческой церковью двоеперстие на троеперстие, написание имени Иисус вместо Исус, хождение посолонь (по солнцу) во время крещения и т.д.)

Для унификации обряда реформаторам необходимо было выбрать ОБРАЗЕЦ. Мнения разошлись. Часть “ревнителю” видела его в древних греческих и русских рукописях, но царь и Никон, ставший к тому времени патриархом, близким другом и советником царя, приняли решение взять за образец (также как и церковь Украины) современные им греческие богослужебные книги, отпечатанные в Венеции, изданные там же славянские Требники, предназначенные для литовско-русских униатов. Исправлением книг в России занималась большая группа “справщиков”. В основном это были ученые монахи, приглашенные в Москву с Украины, где в то время было хорошо поставлено богословское и филологическое образование.

Среди них можно назвать известного грекофила Епифания Славинецкого, сыгравшего видную роль в проведении культурных реформ того времени. Исправленные книги проверялись Никоном, множились на Московском Печатном дворе и рассылались по всем епархиям со строгим предписанием совершать богослужение только по этим книгам.

Новый богослужебный чин существенно отличался от прежнего и это было воспринято в широкой народной среде как “новая вера”, как ересь, как угроза истинному православию, как действия Антихриста, что неизбежно привело к расколу русской церкви. Кризис средневекового мировоззрения назревал в русском обществе в течение всего предшествующего столетия, но разразился во второй половине XVII века целым рядом сложных внутренне противоречивых процессов и явлений в социально-политической, религиозной и общекультурной жизни страны. С 1645 года после вступления на престол царя Алексей Михайловича началась эпоха государственных реформ, в том числе и церковная реформа, за которой последовал внутрицерковный раскол, разделивший все русское общество того времени.

Основные причины раскола русской церкви.

1. Начавшийся процесс секуляризации русской культуры и утрата церковью своих господствующих позиций в духовной жизни общества.
2. Падение благочестия в среде русского народа и самого духовенства в период “смутного времени”.
3. Стремление светской и духовной власти к мировому господству и как следствие этого, установление более тесных контактов с другими православными народами, ориентировавшимися в обрядовой жизни на современную греческую (поствизантийскую) церковь.
4. Борьба между церковной и царской властью за главенство в государстве.
5. Ориентация русской культуры в своем развитии на западные образцы.

Никоновские нововведения, основанные на “научной” правке (выбор наиболее правильного образца) старых текстов, фактически разрушали два основных принципа средневекового сознания: каноничность и символизм. Известно, что в Средние Века каждый элемент богослужения имел символическое сакральное значение. Изменение большого количества этих элементов (символов), замена отдельных слов, букв, целых текстов привело к разрушению всего магического смысла богослужения. Так возникало новое мышление, научный подход к священным текстам, к культу, к самой вере. Это был первый шаг к секуляризации русской культуры и сближению с культурой западно-европейской. Отсюда понятно, почему реформа не была принята людьми со средневековым типом мышления. Среди не принявших реформу были в основном крестьяне, ремесленники, купцы, казаки, стрельцы, низшее и среднее духовенство, но были и представители тогдашней аристократии (например, боярыня Ф.П.Морозова и сестра ее княгиня Е.П.Урусова и др.)

Вскоре правительство начало репрессии против сторонников “старой веры”. В 1653 году Аввакум с семьей был сослан в Сибирь (Даурию). В 1664 году возвращен в Москву, поскольку предполагалось, что он займет место

царского духовника. Но он по-прежнему обличал “никонианскую ересь” и снова был сослан, на этот раз на Мезень (Север Руси). Затем еще раз возвращен в Москву, осужден, проклят (предан анафеме), расстрижен (лишен церковного сана) и сослан уже навсегда в Пустозерск. Кроме Аввакума в Пустозерскую земляную тюрьму были отправлены монахи Епифаний Соловецкий, поп Лазарь, дьякон Федор. Всем им, кроме Аввакума, вырезали языки и отрубили пальцы на правой руке, чтобы не крестились двоеперстно и не писали обличительных текстов. Аввакум избежал казни, потому что за него заступилась царица Мария Ильинична. “Союзники” общались по ночам, вылезая из своих “нор” (срубы были наполовину засыпаны землей) через окошко. Лишенные возможности проповедовать, они стали “писателями”, тайно переправляли свои рукописи в Москву, где их переписывали и распространяли по всей стране.

В 1682 году по указу царя Федора Алексеевича все четыре узника “ за великую на царский дом хулу” были заживо сожжены. Аввакум предчувствовал свою трагическую смерть. Обращаясь к царю с посланием из темницы, он писал с чувством глубокого духовного превосходства и так видел свою кончину: “. . . аз же, присуждением вашим не сподобихся савана и гроба, но наги кости мои псами растерзаны будут, . . . так добре и любезно мне на земле лежати, и светом одеянну и небом прикрыту . . . “

В русской культуре с образом огнепального протопopa оказались связаны некоторые особенности русского национального характера: вечные поиски духовных ценностей и беззаветная преданность своей вере.

Вопросы:

- 1. Чем привлек внимание русских писателей текст Жития Аввакума?**
- 2. Каковы основные причины раскола русской церкви?**
- 3. Как начался процесс секуляризации русской культуры?**

История изучения текста Жития протопопа Аввакума в филологической науке XX века.

Житие протопопа Аввакума является одним из самых известных и дискуссионных текстов старообрядческой литературы. О нем писали и пишут многие исследователи: и историки, и лингвисты, и литературоведы.

Впервые о **проблемах стиля** Жития протопопа Аввакума написал еще в 1923 году В.В.Виноградов в работе «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития Протопопа Аввакума», где он сформулировал методологию изучения памятников старообрядческой книжности: произведения старообрядцев необходимо изучать исходя из конкретной исторической обстановки русской жизни второй половины XVII века, потому что эти «формы словесного творчества создавались по законам слушателей своей эпохи», по законам ее речи и понимания. В отношении русского Средневековья это означает, что в данном случае мы имеем дело с христианской литературной традицией, принципиально отличающейся от традиции литературы Нового времени. Закономерно, что основное внимание В.В. Виноградова приковано к церковно-книжной стихии, несмотря на интерес к разговорно-речевому сказу Аввакума. Он пишет: «Символику разговорно-речевую в Житии надо описывать, исходя из тех церковно-библейских образов, которые создают апперцепционный фон для народных символов».¹ В его работе можно найти целую серию ярких примеров: утопающие пловцы на корабле среди бурного моря в лютую зиму, мучители-звери, сатана, который выпросил у Бога светлую Россию. Исследователь подчеркивает, что библейские образы, сталкиваясь с реалистическими описаниями, «нейтрализует житейски конкретный смысл этих слов и создают метафорические картины». Но дело не только в метафорическом плане, представляющем этапы духовного пути Аввакума: падение, раскаяние, видение корабля, христианского символа жизненного пути, дело в том, что эти символы соответствовали смысловым нормам книжной стихии, то есть в народном сознании они были рождены и обусловлены христианским мировоззрением. Поэтому в соответствии с учением Дионисия Ареопагита, которого Аввакум глубоко чтит и которого цитировал в начале своего жития, в некоторых образах, в предельно сниженных и вульгарных выражениях читающий человек также должен уловить высокий духовный смысл. Это и отмечает В.В.Виноградов, подчеркивая, что вульгарно-речевые элементы создают эмоциональные диссонансы, но при этом они «чаще всего являются по своему конкретно-вещественному смыслу эквивалентами ожидаемых

¹ Виноградов В.В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. – С. 17.

книжно-церковных символов»². Это указание на смысловые нормы эпохи, заключенные прежде всего в книжных символах, является особенно плодотворным и перспективным.

При анализе стиля Жития протопопа Аввакума В.В. Виноградов выделил две речевые стихии: бесхитростную импровизацию “беседу”, “вяканье” о примечательных случаях из жизни автора и торжественную проповедь. Причем он отмечал, что в результате смены одного пласта повествования другим происходит превращение “жития” в “книгу живота вечного” (то есть в Евангелие). Так перед литературоведами открылась возможность показать в тексте Аввакума библейские принципы организации повествования. Глубокий и тонкий стилист, В.В. Виноградов показал, как архаически-церковные стилистические построения внедряются в разговорную стихию, в результате чего возникает “сотканная из двух символических клубков”. Это связано, по мысли исследователя, с “той церковной литературой, в которой вращалась творческая интуиция Аввакума”³, поэтому “новое евангелие” создавалось на основе “старого”. Двуплановость вообще является приметой и чертой христианской литературы в целом, житийной, в частности, в ней всегда присутствовал первообраз, как прообраз первохристианской истории. Христианские богословы считают, что с явления Христа на землю началась современная история, которая закончится его вторым пришествием. Все исторические события повторяют то, что уже было написано в первоначальном божественном плане развития жизни на земле.

Рассказывая о своих мучителях и сопоставляя суд над собой с судом над Христом, Аввакум замечает: “С образца делают!” Библейские события, рассказы, мотивы, имена составляют одну часть параллелизма, а вторую - события современной истории, описываемой автором. “Книга живота вечного” содержит и морально-нравственные наставления, комментарии к тем или иным событиям, толкования тех или иных символов. Все это создает особый торжественно-книжный стиль повествования.

Действительно, для церковно-книжной символики Аввакума существенно то, что она почти целиком слагается из наиболее употребительных церковно-библейских фраз, то есть “групп слов, почти сросшихся”, связанных тесно привычными нитями психической ассоциации. Здесь важно наблюдение об особой слиянности церковно-библейских фраз, которые уже закрепились в сознании христиан определенными ассоциациями. В.В. Виноградов подчеркивает, что эти библейские и книжные словосочетания и предложения не расчленяются в сознании воспринимающего, они символ, который представляет сложные смыслы. Церковно-архаический слой стиля не детализирует воспроизводимых представлений, а лишь относит их к определенному типу, окутывая их нимбом возвышенных эмоций, не живописует картин и действий, а лишь называет их торжественно и приводит примеры некоторых устойчивых

² Там же. – С.16

³ Виноградов В.В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума. С. 9.

выражений такого рода, которые мы встречаем и у Аввакума, и в произведениях древнерусской литературы, например, “завопил высоким гласом”, “воздохня из глубины сердца”, “вся сия яко уметы вменись” и др. Эти устойчивые выражения воспринимались в то время как формулы, имеющие определенную эмоционально окрашенную семантику, они служили своего рода сигналами, подготавливающими читателя и слушателя к восприятию душеполезного текста. Кроме того, В.В.Виноградов отмечает в тексте Аввакума многочисленные символы-предложения - буквальное перенесение изречений из Священного Писания и из церковных книг, обычно без указания источника и с привязкой содержания к описываемым событиям. В своем анализе стиля исследователь показывает, как эти символы-предложения оживляются и актуализируются под пером проповедника⁴. Завершая свой “морфологический анализ” Жития протопопа Аввакума, В.В.Виноградов делает вывод о трех слоях стиля в данном тексте: основу составляет сказ - разговорно-речевая стихия, которая соединяет со вторым слоем “церковно-книжным” и “торжественно-риторический слой стиля”, проявляющийся в поучениях.

Основные идеи В.В.Виноградова были плодотворно развиты в работах его последователей. А.Н.Робинсон, идя от В.В.Виноградова, пишет об автобиографическом повествовании в древнерусской и старообрядческой литературе. Исследователь выделяет четыре основных подхода к систематизации материала: принципы изображения собственной жизни, принципы изображения душевных движений, авторских переживаний и чувств, принципы описания окружающего мира, характеристика метода и символики автобиографий Аввакума и Епифания. Он отмечает принцип дидактической иллюстративности, господствующий в изучаемых автобиографиях. Приводимые эпизоды должны были свидетельствовать о “святости” героя, они перемежались поучениями и молитвами. “Повествование слагалось из двух линий: условно-биографической и учительно-риторической”⁵. Они сливались в эпизодах чудес и видений, поскольку здесь соединялись элементы биографизма и дидактики.

В непосредственном анализе текста произведения А.Н.Робинсон показывает, как старообрядческие авторы, стремясь представить чудо в его объективной достоверности, описывают видения и чудеса изнутри самого происходящего процесса, то есть автор, а вслед за ним и читатель становится очевидцем и участником сверхъестественного явления. В автобиографическом житии герой на ступеньку выше поднимается к небесам, он уже напрямую общается с высшими силами. Внутренний монолог, считает исследователь, генетически восходит к молитве, но наполняется реальными сомнениями автобиографического героя. Так появляется литературная функция у текста, который собственно не ориентирован на

⁵ Робинсон А.Н. Житиеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты. М., 1963. - С. 66.

художественность, появляется психологический самоанализ автора, что также невозможно в средневековом словесном произведении. В нем невозможны были трагически неразрешимые жизненные противоречия, этому мешал христианский оптимизм. Таким образом, можно сказать, что исследователь отмечает все те же особенности повествования у Аввакума, что и В.В. Виноградов, но называет это по-другому в соответствии с литературоведческой терминологией 60-х годов XX в., когда особенно большое значение придавалось разработке принципов повествования, принципов психологизма и когда казалось, что эти принципы универсальны и приложимы к любому тексту.

В другой статье исследователь, говоря о художественности Жития Аввакума, прямо назовет аввакумовский текст “исповедь - проповедь”⁶. Не имея возможности развить эту идею более подробно, он переходит к анализу идейно-эстетической структуры жития протопопа. А.Н.Робинсон подчеркивает, что в свое время Житие Аввакума воспринималось как религиозно-полемический документ истинный или ложный, а мировоззрение автора соответствовало средневековому самосознанию. Автор Жития четко осознает двойную сущность человека (грешный человек - пророк) и поэтому пишет торжественную проповедь и покаянную исповедь. Аввакум создает свою биографию с поучительной целью, каждый эпизод начинается, как правило, с сентенции, представленной цитатой из Библии, и завершается молитвой автора, обращенной к силам небесным, которые, в конечном счете, и решают своим заступничеством исход конфликта. Все эпизоды в целом показывают постоянную борьбу человека с дьяволом за торжество “дела Божьего”.

В данной работе меньше обращено внимания на исповедальное начало аввакумовского текста, совершенно не оговариваются принципы христианской исповеди, ее отличие от исповеди как литературного жанра и исповедальности как качества русской литературы⁷. Исповедь сводится в основном к воспоминаниям мемуарного характера, а исповедальные тенденции способствуют появлению лирического материала в повествовании. Для анализа христиански ориентированного текста этого недостаточно. Христианская исповедь предполагает покаяние и прощение, просветление и успокоение.

Таким образом, в тексте Аввакума трудно найти нечто собственно от литературы, это символический текст, который призван был раскрыть верующим христианские символы и на личном примере реальной жизни рассказчика убедить их в правдивости всего происходящего. Причем только в христианском сознании живет уверенность в существовании связи между духовной жизнью человека и его бытовой биографией и расшифровывается эта связь через христианскую символику. Отбор эпизодов из жизни Аввакума обусловлен стремлением проиллюстрировать христианские смыслы

⁶ Робинсон А.Н. Исповедь-проповедь: (О художественности «Жития» Аввакума)//Историко-филологические исследования: Сб.ст. к 75-летию академика Н.И.Конрада. М., 1967. – С. 359.

⁷ Бурсов Б. Национальное своеобразие русской литературы. М.; Л., 1964. – 56-57.

символики повседневной жизни. Бытовые эпизоды ни в коей мере не разрушали житийный канон, наоборот, делали повествование о святом убедительным и правдивым, а каждый эпизод прочитывался в символическом плане⁸.

Символичность текста Жития протопopa Аввакума очень важна для понимания гениального творения писателя-старообрядца. Н.М. Герасимова подчеркивает, что символ у Аввакума - это конечная цель, к которой он ведет читателя, сакрализуя свой текст. Аввакум преобразует в слове реальные действия и предметы быта, превращая их в высокие объекты **иной** реальности. Так описание жизни человека превращается в символический сакральный текст. Автор статьи пишет: “Не уничтожая ни предметного, ни языкового различия этих двух сфер, Аввакум единит их с помощью сквозных символических значений”⁹. Здесь же дается четкое объяснение, почему это происходило.

Появление таких обобщающих словесных символов у Аввакума объясняется исторической ситуацией середины XVII в., эпохой глубокого духовного кризиса, когда напряженное ожидание конца света требовало от каждого человека четкого выбора жизненной позиции и отношения к реальности. В этой ситуации старообрядцы ощущали себя первыми и последними христианами, призванными сохранить и донести до всех православных чистоту веры, круг истории замыкался, наступала вечность. Это происходило в период, когда явственно обозначился процесс секуляризации культуры, которая должна была разъединить “духовное” и “светское”, в то время как символ призван был сохранить бытовое и сакральное в нерасторжимом единстве. Символизация бытия спасала каноническую жизнь средневековья от разрушения реформами нового времени. Аввакум и другие старообрядцы стараются жить по законам Христа, в соответствии с каноном. В каноническом мире культуры человек есть только часть этой культуры, в секуляризованной культуре человек - ее единственный и полномочный представитель. В эпоху, когда творит Аввакум, канон разрушается, и он, задумав написать духовное завещание, создает свое «житие», не имея возможности доверить это другому времени, поскольку его может не быть. “Уже не канон заботится о человеке, а человек вынужден заботиться о каноне”¹⁰. Аввакум стремился в слове запечатлеть сакральную полноту мира.

Вопросы:

- 1. Кто и в какое время впервые поставил вопрос о стиле Жития протопopa Аввакум?**
- 2. Когда возникла проблема художественности текста Жития?**
- 3. Какую роль играет символ в Житии протопopa Аввакума?**

⁹ Герасимова Н.М. К предыстории реалистической символики (Символ и метафора в “Житии протопopa Аввакума”) // Вопросы истории и реализма в русской литературе XIX - нач. XX вв. Л., 1975. - С.131.

¹⁰ Там же. - С. 132.

Проблема жанра Жития протопопа Аввакума

В последнее время исследователи все настойчивее пытаются изучить христианские воззрения Аввакума, подчеркивая его верность христианскому символизму и апостольским принципам передачи Слова Божия. Тем не менее не ясно, как возможно соединение исповеди и проповеди в одном тексте и каково его функциональное назначение в рамках средневековой литературы и культуры.

Ответ на этот вопрос мы находим в работе Н.В.Понырко “Житие протопопа Аввакума как **духовное завещание**”. Обратив внимание на замечание Семена Денисова о том, что Аввакум написал свое Житие перед смертью, исследовательница приходит к выводу о первоначальном замысле старообрядческого первоучителя создать духовное завещание именно в тот момент, когда ему казалось, что смерть близка (В 1668 году умер протопоп Никифор, в 1669 году Аввакум много размышляет и пишет о смерти: см. Четвертую и Пятую челобитную царю). До настоящего времени жанр духовных завещаний все еще остается малоизученным в древнерусской литературе¹¹. Духовное завещание всегда включало в себя такую композиционную единицу, как **исповедание веры**. Этому посвящено вступление Жития Аввакума. Далее пишущий духовное завещание о себе “творил известие”, чин духовного завещания соответствовал духу **исповеди**. (Формула духовных завещаний: “...завещаю, прошу, и молю, и о мне творю известие...”). Не случайно и совпадение в определении жанра, духовное завещание митрополита Фотия называется “Слово о житии” (“...написа Слово воспоминательно о житии своем, и прощая всех, и благословляя, и сам прося прощения у всех”) или духовная память Мартирия Зеленецкого получила название “Повесть о житии” (“Повесть о житии преподобнаго отца Мартирия... яже сам о себе исповеда отцу своему духовному”...)

Исповедь обязательно включала рассказ о себе, о своей жизни. Таким образом, закономерна связь духовного завещания с житием. Но в духовных завещаниях исповедь всегда имела дидактическую направленность, совмещалась с **проповедью**, обращенной к духовным детям, в процессе передачи духовного опыта от учителя к ученику.

Итак, можно сказать, что Житие Аввакума, изначально задуманное как духовное завещание, соединяло в себе черты исповеди и проповеди в христианском значении. Постепенно оно превратилось в символический сакральный текст, который способствовал просвещению христиан, ввиду близящегося конца света разъяснял смыслы и значения различных явлений жизни с христианской точки зрения.

Текст Жития Аввакума как духовное завещание, сочетающее в себе исповедь и проповедь, должен был убедительно показать всем православным

¹¹ См. об этом: Лиленфельд Ф. О литературном жанре сочинений Нила Сорского // ТОДРЛ. М.;Л., 1962. Т. XVIII. - С. 80-98.

христианам истинность того, о чем говорили и писали старообрядческие учителя.

В обстановке смуты и раскола необходимо было восстановить ощущение целостности бытия прежде всего в душе человека, именно духовной целостности личности, определяющейся православно-христианским мировосприятием. Аввакум в своем Житии представляет своего рода религиозную философию правды, но раскрывает ее через жизнь собственной души, что вполне закономерно, потому что истина живет в самом человека как его совесть, как дух Бога в человеке. Недостаточно познать христианскую истину теоретически, важно жить в истине. В более позднее время архиепископ Антоний, размышляя о нравственном смысле основных христианских догматов, писал: "... пока мы не покажем теснейшей связи между всеми догматическими истинами православной веры и добродетельной жизнью, пока не раскроем влияния церковных установлений на совершенствование нашего сердца, до тех пор никакими мерами нам не удержать и не возвратить в церковь развивающихся чад ее"¹².

Вопросы:

- 1. Каковы основные черты жанра духовного завещания?**
- 2. Какие примеры духовных завещаний в древнерусской литературе можно еще назвать?**

¹² *Арх. Антоний (Храповицкий)*. Нравственный смысл основных христианских догматов. Вышний Волочек, 1906. - С. 5.

Аввакумовский текст как «самоотчет-исповедь»

М.М.Бахтин писал об особой форме словесного искусства, которую он называет самоотчетом-исповедью. Она возникает при попытке зафиксировать самого себя в покаянных тонах “ в свете нравственного долженствования”. Это связано с душой человека, а душа не может быть воспринята иначе, как через ценностно-смысловую позицию, которая, в свою очередь, раскрывается в поступке. Понятие поступка трактуется очень широко: от жизненно-житейского до определения человеком себя в нравственной области (в отношении к Добру и Злу). Когда поступок оценивается в категориях Добра и Зла, то он определяет и самого поступающего. Раскаяние переходит в покаяние и становится началом, оформляющим внутреннюю жизнь человека. М.М. Бахтин пишет: “Там, где является попытка зафиксировать себя самого в покаянных тонах в свете нравственного долженствования, возникает первая существенная форма словесной объективации жизни и личности - самоотчет-исповедь”¹³. Самоотчет-исповедь предполагает постоянное развитие сознания. Эта принципиальная незавершенность является одной из сторон самоотчета-исповеди. Человек, исповедующийся в своем стремлении раскрыть и познать себя, оправдать себя, чтобы получить прощение, бесконечен в своем движении.

Словарь Брокгауза и Ефрона определяет исповедь как покаяние, изуственное исповедание грехов, которые при чистосердечном раскаянии, опускаются Христом. В христианстве исповедь предстает не просто как раскаяние, но и как возрождение, полное изменение существа человека. Такое отношение к себе предполагает отрицание “здешнего оправдания” и нужду в оправдании религиозном. Это должна быть потусторонняя милость и Благодать, оправдание человека лежит за границами земного исповедания. Это просительная обращенность к Богу. Так к покаянным тонам присоединяются тона просительно-молитвенные. Вне Бога невозможно самоосознание и самовысказывание. “Известная степень тепла нужна в окружающей меня ценностной атмосфере, чтобы самосознание и самовысказывание могли осуществиться в ней, чтобы началась жизнь”¹⁴. Чистое самосознание жизни есть осознание веры, то есть нужды и надежды, самонеудовлетворенность и возможность изменить себя и свою жизнь. Есть еще одно "задание" у подобных текстов - это этически-религиозное познание или назидание. Воспринимающий текст самоотчета-исповеди должен вжиться в субъект, воспроизвести в себе внутреннее событие в целях собственного духовного роста через

¹³ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. Смысловое целое героя //Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. – С. 124.

¹⁴ Там же. С.126.

обогащение духовным опытом учителя. Самоотчет-исповедь сообщает и научает о Боге. Самоотчет-исповедь - принципиально не художественное явление, здесь нет героя и автора. Они слиты воедино. Читающий такой текст не может его ни созерцать, ни воспроизводить, он может только ответить на него подобным поступком самоотчета-исповеди.

Текст Жития Аввакума - очень характерный пример такого поступка. Здесь мы находим подробный рассказ Аввакума о самом себе, веру в милость и Благодать Господа. Текст аввакумовского жития несет колоссальный заряд учительной проповеди, призывающей каждого к нравственному поступку в выборе правильной веры. В этом плане, действительно, текст Жития агитационно-публицистичен.

Вопросы:

- 1. Какие тексты и почему М.М.Бахтин называет самоотчетом-исповедью?**
- 2. Каково назначение этих текстов, по Бахтину?**

Анализ текста

Уже начало текста, своего рода **вступление**¹⁵, задает основные параметры самоотчета-исповеди. Здесь содержится указание на благословление духовным отцом Епифанием труда Аввакума “да не забвению предано будет ДѢло Божие”. Присутствие духовного отца закономерно при создании духовного завещания в форме самоотчета-исповеди. Далее как всегда следует молитва к Всесвятой Троице о направлении ума и утверждении сердца на творение добрых дел. Затем со ссылкой на Дионисия Ареопагита следуют рассуждение о Божественных именах и о истине и полемика с "новолюбцами", что они потеряли существо Божие испадением от истинного Господа, святаго и животворящаго Духа. Здесь же Аввакум дает определение, по Дионисию, истинного христианина: “зане истинною разумѣвъ Христа, и тем благоразумие стяжав, изступив убо себе, не сый в мирском их нравѣ и прелести...”¹⁶.

Таким образом Аввакум формулирует свою позицию по отношению к внешней мудрости. Это погибель христианам. Затем Аввакум переходит к трактовке Дионисием небесной иерархии, разделяющим девять чинов на три Троицы, и все они поют славу Богу. Вторая проблема вступления как исповедания веры - проблема вочеловечивания Бога-Слова, которую Аввакум представляет по Афанасию Великому. Исповедание веры заканчивается соответствующей формулой: “Сиче аз, протопоп Аввакум, вѣрю, сиче исповѣдаю, с симъ живу и умираю” (355).

Итак, Аввакум во вступлении своего самоотчета-исповеди сформулировал основные мировоззренческие принципы: христианское понимание истины, определение истинного христианина, представление о вочеловечивании Бога-Слова. Дионисий Ареопагит и Афанасий Александрийский – основные авторитеты для Аввакумовской религиозной философии в полемике с новообрядцами по вопросам истинной христианской веры.

Затем он переходит к подробному **рассказу о себе**, что составляет обязательный элемент самоотчета-исповеди: “Рождение же мое в Нижегородских предѣлах, за Кудмою-рекою, в селѣ Григоровѣ.”

¹⁵ В исследовательской литературе обращалось внимание на вступление к Житию. Н.С.Демкова определила его назначение как кредо, в котором обозначены основные вопросы времени, вокруг которых и велась собственно полемика между старообрядцами и никонианами. Н.В.Поньрко видит в нем обязательную композиционную единицу жанра духовного завещания - исповедание веры. (См. об этом: Демкова Н.С. Житие протопopa Аввакума: Творческая история произведения. - С. 142-143; Поньрко Н.В. Житие Аввакума как духовное завещание. - С. 379). Н.В. Поньрко проводит сопоставительный анализ исповедания веры Аввакума с другими известными в настоящее время текстами подобного рода и приходит к выводу, что он следует существующей христианской традиции.

¹⁶ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М., 1989. – С.352. Далее ссылки на это издание с указанием страницы даются в тексте.

Сообщает о своих родителях: “Отець ми бысть священник Петрь, мати - Мария, инока Марфа. Отець же мой прилежаше пития хмельнова; мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху Божию” (355).

Далее Аввакум описывает жизнь души. Во-первых, он сообщает о том, как она пробуждается в ребенке: “Аз же нѣкогда видѣвъ у сосѣда скотину умершу, и той нощи, возставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мнѣ умереть. И с тѣхъ мѣсть обыкохъ по вся нощи молиться” (355). Во-вторых, исповедальный характер текста обуславливает стремление автора к покаянию. Например, эпизод с кающейся девицей, когда “треокаянный врач, сам разболѣлся, внутри жгом огнем блудным” (356). Аввакум скорбит о своей душе, плача перед образом Господним, “рыдаше горце”. И Господь посылает ему видение: ”Вижу: пловуть стройно два корабля златы, и весла на них златы и шести златы, и все злато; по единому кормщику на них сидельцов. И я спросил: “Чье корабли?” И онѣ отвѣшали: “Лукинъ и Лаврентиевъ”. Сии быша ми духовные дѣти, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались Богоугодне” (356). Мир невидимый предстает Аввакуму как беспредельно ценный, “все злато”. Это награда за богоугодное житие на земле. Жизненный путь Луки и Лаврентия привел их в рай. Это наглядный пример для других. Корабль же Аввакума оказывается пестрым кораблем земной жизни, в котором “красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо”. Аввакум задает обычный для учительного текста риторический вопрос: “Что се видимое? И что будет плавание?”

Дальнейшее повествование призвано показать **жизненный путь** человека как путь духовных устремлений, взлетов и падений. Аввакум в рассказе о собственной жизни показывает, как Бог наказывает человека за грехи, как испытует праведника, как спасает и награждает его. Покаявшись в грехе похотливой страсти к исповедующейся блуднице, Аввакум пишет о наказании, посланном для его спасения. “По мале времени” объяли его болезни смертныя, беды адовы. И следует рассказ о ссоре с начальником, который отнял у вдовы дочь и который бил Аввакума смертным боем и стрелял в него из пищали, но по Божьей воле пищаль не выстрелила, затем он ограбил его и выгнал из дома. Много раз дьявол “воздвигал бурю” на Аввакума. В заключение рассказа Аввакум вздыхает: “Так-то Богъ строить своя люди!” Мы видим, как происходит процесс раскаяния и преображения человека в результате этого раскаяния, веры в справедливость Божьего наказания. Свидетельство тому следующий рассказ Аввакума о другом начальнике, который также стрелял в него. В ту же ночь тот был наказан и, осознав свой грех, призвал Аввакума, чтобы попросить у него прощения. Аввакум прощает его: “Восстани! Богъ простит тя!” Он же, наказан гораздо, не мог сам востати. И я поднял ево на постелю, и исповедал, и маслом священным помазал, и бысть здрав. Так Христос изволил” (358). Аввакум подчеркивает, что прощает не человек, но Бог, и он же дает исцеление. Заключается эпизод

евангельскими словами: “Так-то господь гордымъ противится, смиренным же дает Благодать”, которые звучат как назидание читающим и слушающим Житие.

Продолжая повествование о бедах адовых, которые обрушивает на него и на всех русских людей дьявол, Аввакум обращает внимание на необходимость каждому определиться в вопросах веры, потому что наступают последние времена. Например, рассказ о кознях Никона, пожелавшего стать патриархом, спор с новообрядцами по поводу земных поклонов. Показательна фраза: “Мы же задумались, сошедшеся между собою...”, - которая свидетельствует об активности и ответственности человека, совершающего в данном случае нравственный поступок каждого старообрядца и всех вместе. Неронов, оставив церковь протопопу Аввакуму, уходит в Чудов монастырь молиться, где ему был глас: “Время приспѣ страдания, подобает всем неослабно страдати!” Это свидетельство наступления последних времен. Каждый и все вместе должны держать ответ перед Богом о своей жизни и о своих делах в категориях долженствования, то есть Добра и Зла. Аввакум и сообщает о своих действиях в рамках ответственного поступка: “Мы же с Данилом, написавъ ис книгъ выписки о сложении персть и о поклонехъ, и подали государю; много писано было, он же, не вѣмъ гдѣ, скрыль ихъ: мнитмися Никону отдалъ” (359). Из этих слов ясно, что царь не взял на себя ответственность внимательного рассмотрения собранных материалов и принятия соответственного решения. А вот Даниил принял за свой поступок мученическую смерть. “Послѣ тово вскорѣ схватавъ Никонъ Даниила, в монастырѣ за Тверскими вороты, при царѣ остригъ голову и, содравъ однарятку, ругая, отвель в Чюдовъ в хлѣбню и, муча много сослалъ в Астрахань. Венець терновъ на главу ему тамъ возложили, въ земляной тюрмѣ и уморили” (359). И дальше идет перечень мучеников, пострадавших за веру и принявших, как и Христос, “терновый венец на главу”. Терновый венец - символ страданий за Христа. Затем, как всегда в этом тексте - следуют учительные слова из Евангелия: ”Ох, горе! Всякъ мняйся стоя, да блюдется, да ся не падеть; люто время, по реченному Господемъ, аще возможно духу антихристову прельстити и избранныя. Зѣло надобно крѣпко молитися Богу, да спасеть и помилуетъ насъ, яко благъ и человѣколюбець” (359-360). Эти слова, действительно, звучат как проповедь.

Эпизод о доносе на него в Тобольске Аввакум представляет как поучительный пример наказания зла и торжества справедливости. Дьяк архиепископского двора Иван Струна сказал на Аввакума государево слово, за что Аввакум со своим дьяком Антонием постегали его ремнем в церкви. Родственники Струны “возмутили град”, и началось преследование протопопа. По приезде архиепископа ситуация переменилась, потому что он привез “правильную вину” Струны и его посадили на цепь. Боярин Петр Бекетов, заступившийся за него, сам вскоре умер горькою смертью. “И мы со владыкою приказали тѣло ево

среди улицы собакам бросить, да же граждана оплачють согрешение его. А сами три дни прилѣжне стужали Божеству, да же в день вѣка отпустится ему... И по трехъ днехъ владыка и мы сами честнѣ тѣло его погребли” (362). Как видим, каждый эпизод содержит мораль и поучение, за каждый проступок человек получает наказание, а за страдания - вознаграждение.

Аввакум подчеркивает, что отцы-старообрядцы наделены даром пророчества. Так, Неронов предсказал царю три пагубы за церковный раскол: мор, меч, разделение. Это и сбылось, пишет Аввакум. И снова слова проповеди: “Но милостивъ Господь: наказавъ, покаяния ради и помилуетъ насъ, прогнавъ болѣзни душъ нашихъ и телесъ, и тишину подастъ. Уповаю и надѣюся на Христа, ожидаю милосердия Его и чаю воскресения мертвым” (362). Эти слова звучат как пламенная проповедь пророка, обращенная к сомневающимся современникам и заставляющая их содрогнуться духом при словах проповедника: “Ожидаю милосердия его и чаю Воскресения мертвым”.

Мотив проповеди усиливается, когда Аввакум рассказывает о себе как о гневном обличителе преступлений воеводы Пашкова. Он написал ему “малое посланейце”, в котором просит: “Человече, убойся Бога ты один его презираешь”. За что Пашков бил Аввакума смертным боем. В этот момент Аввакум подвергается искушению сомнения в Боге: “...на умъ взбрело: За то ты, Сыне Божий, попустил меня ему таково болно убить тому? Я веть за вдовы твои сталъ! Кто дастъ судию между мною и тобою?” Далее следует покаяние в страшном грехе сомнения в Боге: “Со Владыкою судитца захотѣль!” Аввакум сравнивает себя с Иовом, хотя и подчеркивает различие: “...да онъ праведень, непорочень, а се и Писания не разумѣль, внѣ Закона, во странѣ варварстѣй, от твари Бога позналь” (364). О себе же Аввакум пишет в покаянных тонах: “А я первое - грѣшенъ, второе - на законѣ почиваю и Писаниемъ отовсюду подкрепляемъ..., а на такое безумие пришелъ! Увы мнѣ!” (364). Наказание не замедлило: “Стало у меня в тѣ поры кости-те щемить и жилы-тѣ тянуть, и сердце зашло, да и умирать сталъ. Воды мнѣ в ротъ плеснули, такъ и вздохнулъ да покалялся предъ Владыкою, и Господь-свѣтъ милостивъ, не поминаетъ нашихъ беззаконий первыхъ покаяния ради; и опять не стало ништо болѣть” (364). Аввакум видит прямую зависимость исцеления от раскаяния. Протопоп часто вспоминает о своей собственной жизни для назидания другим. “И у меня два сына маленькихъ умерли в нуждахъ тѣхъ, а с прочими, скитающися по горамъ и по острому камению, наги и боси, травою и корениемъ перебивающися, кое какъ мучилися. И самъ я, грѣшной, волею и неволею причастень кобыльим и мертвечымъ звѣриным и птичьим мясамъ. Увы грѣшной душе! Кто дастъ главѣ моей воду и источник слезъ, да же оплачу бѣдную душу свою, юже злѣ погубихъ житейскими сластми?” (366). Момент раскаяния усиливается постоянно употребляемыми словами из Писания. Они создают ощущение торжественности момента и усиливают эффект повторяемости грехов

человеческих и необходимости покаяния. Главное, чтобы человек постоянно помнил о своей душе, стремился спасти ее для жизни вечной. Аввакум в своей проповеди следует основным проповедническим традициям Христа, пришедшим на Русь вместе с христианством. Так, уже первые проповеди Иоанна Крестителя и самого Иисуса Христа имели ряд риторических приемов, которые затем используются всеми христианскими проповедниками. В своем учении о христианской нравственности первые проповедники стремились кратко, но выразительно представить новое понимание мира каждому человеку сообразно его состоянию. Например, речь Иоанна Крестителя была насыщена сравнениями с ветхозаветными пророчествами. Иисус Христос прибегал к различным способам доказательств, в том числе приводил меткие примеры и сравнения из священной истории и обыкновенной жизни, доказательства становились неопровержимыми. Употребление поговорок и пословиц придавало его речи твердость и очевидность, а ссылки на собственный опыт делали их особенно убедительными. Иисус Христос стремился в своих проповедях не только просветить ум, но, главное, старался очистить сердце¹⁷. При этом он прибегал порой к наглядным ярким примерам земной жизни, поощрял исполнением желаний, страшил вечным наказанием и великими воздаяниями в вечной жизни. Главное, к чему он стремился, - это потрясение духа, то есть он старался привести своих слушателей в такое состояние, когда их воля и сердце готовы были отказаться от греховной природы человека во имя нравственного образа жизни.

Аввакум в своем учительстве шел за Христом и апостолами. О подражании Аввакума апостолу Павлу писали неоднократно¹⁸.

Общеизвестным в настоящее время является тот факт, что большинство первых деятелей староверия являлись неустанными проповедниками. Они обращались к мыслящим и чувствующим, верующим с “истиной”, поборниками которой они выступали. Об апостольских принципах много писал Авраамий, один из первых деятелей старообрядчества. “Нам же повелевают святые, - писал Авраамий, - быти ратники именем Иисусовым”¹⁹. Это противостояло схоластическому дидактизму господствующей церкви. “Духа не угашайте” (1 Сол. 5, 19), - писал апостол Павел и далее следует очень важное для старообрядцев замечание: “Вся же искушающе, добрая держите” (1 Сол. 5, 21). Это предполагает активность и ответственность выбора. Авраамий подчеркнет: “...внимай лучшему”. Восстанавливая дух раннего христианства, старообрядческие учителя стремятся к “буйству

¹⁷ См. о традиции христианской проповеди: Митр. Антоний. Святоотеческие творения как пособие проповедникам. История проповедничества // Богословские труды. Юбилейный сборник Ленинградской духовной академии. М., 1986. - С.299-350.

¹⁸ См.: об этом: *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. - С. 328; *Клибанов А.И.* Протопоп Аввакум и апостол Павел // Старообрядчество в России. М., 1994. - С. 12-43 и др.

¹⁹ *Барсков Я.Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.- С.158.

проповеди”, и первый среди них - протопоп Аввакум. А.И. Клибанов в связи с Аввакумом называл новое явление в истории народной духовной культуры - “апостольство”. Он пишет, что Аввакум в своих собственных глазах и глазах многих современников выступал прямым апостолом, то есть посланником Божиим, которому поручено нести в мир слово Божие. Тот же Авраамий писал об апостольстве Аввакума: “... но отец Аввакум воистину апостол Христов есть. Яко рече Павел: мне подобни бывайте, яко же аз Христу, и глаголющему оному словеси внят Аввакум: “Аз есмь путь, истина и живот”. Это ответ Христа на вопрос Фомы в Евангелии от Иоанна. “Господи, не вемы, камо идеши и како можем пути ведети” (Иоанн, 14, 5). На что Христос говорит следующими словами: “Аз есмь путь и истина и живот: никто же придет ко Отцу, токмо мною” (Иоанн, 14, 6)²⁰. Эти слова оказались близки протопопу Аввакуму. В своем житии он сам пишет о своей апостольской миссии: “...прочтохъ Дѣяния апостольская и Послания Павлова, - апостоли о себѣ возвѣщали же, егда что Богъ содѣлает в нихъ: не намъ, Богу нашему слава... В день вѣка вси жо тамъ познають содѣланная мною - или благая или злая” (389). Протопоп осознает себя посланником Божиим, через которого возможен путь к Богу, к истине, к вечной жизни. Создавая свой самоотчет-исповедь, Аввакум рассказывает о себе, подобно апостолам, потому что его действиями руководит Бог, все прояснится в судный день: злое или доброе творил протопоп, - так выдерживается принцип долженствования нравственной философии христианства.

Апостольство Аввакума подтверждается его благодатными дарами, о которых он пишет в своем Житии. Это видения, пророчества, исцеления больных, общения с небесными силами и т.д. Так же, как и Епифанию, Аввакуму являлись Христос и Богородица в тонком сне: “А се мнѣ в Тобольске в тонце снѣ страшно возвѣщено: “Блюдися, от мене да не полъма растесанъ будеши!” Я вскочилъ и палъ пред иконою во ужасѣ велице, а сам говорю: “Господи, не стану ходить, гдѣ по-новому поють, Боже мой!”... Такъ меня Христось-свѣтъ попужал и рече ми: “По толикомъ страдании погибнуть хочешь? Блюдися, да не полъма разсѣку ты!” Я и к обѣдне не пошелъ и обѣдать ко князю пришелъ и вся подробну имъ возвѣстиль” (376-377).

Несмотря на сходство указания о видении в "тонком сне", видения Аввакума и Епифания различаются. У Епифания Христос и Богородица являлись в человеческом образе (Богородица склоняла свое лицо и брала в свои руки беса), у Аввакума это голос, наводящий ужас великий на самого Аввакума и тех, кому он об этом рассказывает. Но в любом случае видения свидетельствуют о связях с потусторонним миром, об особой избранности человека, которому достаются видения. Значительно больше

²⁰ Апостолами считались и другие проповедники старой веры, об этом также писал Авраамий: "И не усумнися о сем еже апостолами нынешнихъ страсотерпцевъ нарицати, яко, по писанию, святыхъ славнейши и вышши первыхъ мучениковъ имутъ быти, и часть и престолы апостольские даны имъ будут". (Барсков Я.Л. Памятники первых лет старообрядчества. - С.161).

примеров исцеления больных Аввакумом. При этом Аввакум подчеркивает силу покаяния человека в своих грехах и силу любви Христа к человеку. Например, эпизод с болезнью сына боярыни Евдокии Кирилловны, которого протопоп крестил и каждый день благословлял. Однажды, когда ребенок заболел, а Аввакума не было дома, боярыня отправила ребенка к “шептуну-мужику”. Узнав об этом, протопоп, рассердился на мать, между ними возникла ссора. “Младенець пуци занемогъ: рука правая и нога засохли, что батошки. В зазоръ (упрямство. – О.Б.) пришла: не вѣдаетъ, что дѣлать. А Богъ пуци угнетаетъ. Робеночекъ на кончину пришель. Пѣстуны, ко мнѣ приходя, плачють, а я говорю: “Коли баба лиха, живи же себѣ одна!” А ожидаю покаяния ея. Вижу, яко ожесточилъ диаволь сердце ея, припаль ко Владыке, чтобъ образумилъ ея. Господь же, премилостивый Богъ, умячилъ ниву сердца ея: прислала на утро сына среднева Ивана ко мнѣ, - со слезами просить прощения матери своей, ходя и кланяяся около печи моей... Потом и больнова принесли, - велѣла перед меня положить; и всѣ плачють и кланяются. Я - су всталъ, добыль в грязи патрахѣль масло свящонное нашоль. Помоля Бога и покадя, младенца помазаль маслом и крестомъ благословилъ. Робенокъ, даль Богъ, и опять здоровъ сталъ - с рукою и с ногою. Водю святою ево напоил, и к матери послалъ” (369-370).

Рассказав сам эпизод исцеления ярко, с массой замечательных подробностей, чтобы слушатели могли воочию представить себе происходящее, Аввакум заключает его соответствующей сентенцией, прямо обращенной к собеседнику: “Виждь, слышателю, покаяние матерне колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцелила! Чему быть? Не сегодня кающихся есть Богъ!” (370). Таким образом, весь эпизод оказывается направленным к этой фразе проповеди - для всех кающихся есть прощение и помощь Бога.

Несколько эпизодов посвящены исцелению бешеных. Один из первых рассказов представляет исповедь и покаяние самого Аввакума о совершенном им грехе, об обмене книги святого Ефрема Сирина, которой его благословил протопоп Стефан Вонифатьевич, на лошадь. За это его дом был наказан. “Лошедь ту по ночамъ и в день стали бѣси мучить, - всегда мокра, заезжена, и еле жива стала” (389). Протопоп недоумеваает, за какую вину наказывает Бог и озлобляются бесы. И вот однажды духовный брат Аввакума Евфимей после ужина во время вечерней молитвы, “испустя книгу из рукъ ударился о землю, от бѣсовъ пораженъ бысть, начать кричать и вопить гласы неудобными, понеже бѣси ево жестоко начаша мучить” (389). Никто не мог удержать беснующегося, все рыдали и молились. Читал молитву Василия Великого и Аввакум. “И егда в молитвѣ рѣчь дошла: “Азь ти о имени Господни повелеваю, душе нѣмый и глухий, изыди отъ создания сего и к тому не вниди в него, но иди на пустое мѣсто, идѣже человѣкъ не живетъ, но токмо Богъ призираетъ,” - бѣсь же не слушаетъ, не идетъ из брата” (390). Аввакум продолжает свою исповедь по повелению старца Епифания. “Сице было: взяль кадило,

покадилъ образы и бѣснова и потомъ ударилъся о лавку, рыдавъ на многъ час. Возставше, ту же Василиеву рѣчь закричал к бѣсу: “Изыди от создания сего!” (390). Эта молитва Аввакума была услышана Богом. “Бѣсъ же скорчилъ в кольцо брата и, пружався, изыде и сѣлъ на окошко; братъ же бывъ, яко мерѣтъвъ. Аз же покропилъ ево водою святою; он же очхняся, перѣстомъ мнѣ на бѣса, сѣдящаго на окошке, показуеть, а самъ не говоритъ, связавшуся языку его” (390).

Дальше продолжается подробный, с конкретными деталями, рассказ о трудном изгнании беса, протопоп кропит святою водою места, где пытается спрятаться бес, поит святою водою больного, бьется с бесами три недели, пока не взял обратно книгу и не заплатил деньги за лошадь. За рассказом следует покаяние и самоуничтожение Аввакума: “Таково то зло заповѣди преступление отеческой! Что же будетъ за преступление заповѣди Господня? Охъ, да толко огонь да мука! Не знаю, дни коратать как! Слабоумиемъ объять и лицемѣриемъ, и лжею покрыт есмь, братоненавидѣнием и самолюбиемъ одѣянъ, во осуждении всѣхъ человѣкъ погибаю, и мняся нѣчто быти, а калъ и гной есмь, окаянной... Отовсюду воняю - душою и тѣломъ... Спаси Богъ властей тѣхъ, что землею меня зарыли: себѣ ужъ хотя воняю, злая дѣла творяще, да иных не соблажняю” (391).

На собственном примере Аввакум показывает важность своевременного покаяния, осознания своего греха, принятия с благодарностью наказания во имя будущего спасения. Как правило, все примеры чудесного исцеления бешеных у Аввакума заканчиваются раскаянием в собственных грехах. Таков случай с бешеным Филиппом, который жил в московском доме Аввакума после его возвращения из Сибири, которого он умирал крестом и Иисусовой молитвой. Однажды протопоп, придя с прений о вере из дома Федора Ртищева “зѣло печалень”, побил ни за что протопопицу и “домочадицу” Фетинью. “Та же бѣсъ вздивиялъ въ Филиппѣ, и началъ чепь ломать, бѣсясь, и кричать неудобно. На всѣхъ домашнихъ нападе ужас ...” (392). Протопоп пытался укротить больного, но “не бысть по-прежнему”. Бешеный человек схватил протопопу и начал бить, домашние не могли отнять, не помогала и молитва. Аввакум понял, что бес взял над ним верх и, “собравшись с совестью”, начал просить прощения у Настасьи Марковны и Фетиньи, затем лег посреди горницы и велел всем домашним бить его плетью по спине, после чего просил у всех прощения. Таким образом бес вышел из Филиппа, и он стал по-старому хорошим, а затем и излечился Божию Благодатию, пишет протопоп Аввакум.

Аввакум приводит несколько случаев своего чудесного явления другим людям. Так, он вывел сына Пашкова Еремея, когда тот после поражения своего войска не мог найти дорогу к дому. Затем он чудесным образом исцелил келаря Пафнутьева монастыря Никодима, который в Великий праздник запретил протопопу посидеть на пороге темницы, а придя в келью разболелся. “И в нощи... прииде к нему мужъ во образѣ моемъ, с

кадилом, в ризах свѣтлых, и покадилъ ево и, за руку взявъ, воздвигнулъ, и бысть здравъ” (381-382). Исцеленный пришел к Аввакуму ночью в темницу, и покаялся в своем грехе, и рассказал о происшедшем чуде, потом поведал об этом всей братии. “Людие же безстрашно и дерзновенно ко мнѣ побрели, просяще благословения и молитвы от меня. А я ихъ учю от Писания и пользую Словом Божиимъ” (382).

Этими рассказами Аввакум подчеркивает свое апостольское служение. Уже при жизни он может являться в белых ризах и помогать людям по повелению Божию. В этом плане показателен и другой эпизод, приведенный Аввакумом в конце Жития о видении девицы Анны о дивной палате Аввакума: “... и всехъ, де, краше полата, неизреченною красотою сияет паче всѣхъ, и велика гораздо. Ввели, де, меня в нея, ано-де, стоят столы, и на них послано бѣло, и блюда з брашнами стоять. По конецъ, де, стола древо кудряво повѣваетъ и красотами разными украшено; в древе, де, том птичьи гласы слышала я, а топерва, де, не могу про них сказать, каковы умильны и хороши!” (395). На вопрос Анны, чья это палата, ангелы ей отвечают, что это палата отца ее, протопопа Аввакума. Анну мучили бесы, но Аввакум излечил ее именем Христа, и она постриглась в монахини. В конце концов пострадала вместе с Аввакумом за веру. Таким образом, еще при жизни протопопа людям было известно, что ему уготовано место в раю.

Общению протопопа с небесными силами посвящено несколько примеров. Так, в одном случае общение происходило через дочь Аввакума. Он рассказывает, как однажды, придя из леса, увидел, что его дочь Аграфена плачет и ничего не может сказать, только мычит, мать плачет вместе с ней. Аввакум продолжает рассказ: “И я отдохнулъ и с молитвою приступилъ к робяти, рекль: “О Имени Господни повелеваю ти: говори со мною! О чем плачешь?” Она же, вскоча и поклоняся, ясно заговорила: ”Не знаю кто, батюшко-государь, во мнѣ сидя, светленекъ, за язык-отъ меня держалъ и с матушкой не даль говорить: я тово для плакала! А мнѣ онъ говорить: “Скажи отцу, чтобы он правило по-прежнему правилъ, такъ на Русь опять всѣ выедете. А буде правила не станеть править, о немъ же онъ и самъ помышляетъ, то здѣсь всѣ умрете, и онъ с вами же умереть” (378).

Это случилось в то время, когда Аввакум от голода и немощи перестал читать молитвы в полном объеме, как положено по службе. Все сбылось, отмечает Аввакум, и после этого всю оставшуюся жизнь он не нарушал правило. Чуть ранее в своем Житии он дает подробное наставление, как надо "держатъ правило" в любых жизненных ситуациях. “Идучи, или нарту волоку, или рыбу промышляю, или в лѣсе дрова секу, или ино что творю, а самъ и правила в те поры говорю, вечерню, и завтреню, или часы, - што прилучится” (377).

Далее он подробно и выразительно описывает другие ситуации. Если случатся в дороге неподходящие товарищи, которые не любят "правила", то Аввакум уходит в лес или под гору и там “коротенько” прочитает

молитву: “...побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да такъ и обѣдаю. А буде жо по мнѣ люди, и я, на сошке складенки поставя, правильца поговорю; иные со мною молятся, а иные кашку варять” (377). Иногда приходится петь “хотя немножко” службу в саях, иногда в воскресные дни на подворьях удается исполнить всю церковную службу. Заканчивается пример, как всегда назиданием к духовным детям и обращением к духовному отцу: “Яко же тѣло альчуще желает ясти и жаждуще желаетъ пити, тако и душа, отче мой Епифаний, брашна духовнаго желаетъ; не гладь хлѣба, ни жажда воды погубляетъ человѣка, но гладь велий человѣку - Богу не моля, жити” (377).

Духовная пища для человека - вот что составляет главную заботу Аввакума как духовного наставника и проповедника. Человек должен заботиться о своей душе постоянно, давая ей пищу, как и телу. В качестве примера духовного подвига он приводит рассказ о ратованиях юродивого Христа ради Федора, погибшего на виселице на Мезени: “Зѣло у Федора тово крѣпокъ подвигъ былъ: в день юродствуетъ, а ношъ всю - на молитвѣ со слезами. Много добрых людей знаю, а не видалъ подвижника такова!” (383).

Аввакум рассказывает, как Федор спал за ночь всего час-другой, остальное время проводил в молитвах, отбивая до тысячи поклонов, затем часа три плачет, стоя, хотя сам был болен “с перетуги великия”. Пять лет мерз на Устюге, ходя по морозу босиком и в одной рубашке. “Зѣло у него во Христа горяча вѣра была!” Скончался он так же Боголепно, как и жил, делает вывод Аввакум, унижая себя перед уже принявшим мученическую смерть на виселице Федором: “Не на басняхъ проходила подвиг, не какъ я, окаянной ...” (383). Аввакум отмечает святость Федора. Он приводит, со слов самого Федора, эпизод, когда ему удалось уйти из тюрьмы в Рязани, где его мучал каждый день плетью архиепископ Иларион, принуждая к новым таинствам. Федор с плачем и молитвой обратился за помощью к Богу: “А се, де, вдругъ, батюшко, желѣза всѣ грянули с меня, и дверь отперлась, и отворилась сама. Я, де, Богу поклонясь, да и пошелъ. К воротамъ пришелъ - и ворота отворены! Я, де, по большой дороге, к Москвѣ напрямик! Егда, де, розсвѣтало, - ано погоня на лошедах! Трое человѣкъ мимо меня пробѣжали, - не увидѣли меня” (382). То есть произошло чудо, Федор стал невидим, погоня проехала мимо. Федор, а вслед за ним и Аввакум, усиливают впечатление тем, что и второй раз, возвращаясь, преследователи не увидели Федора, который шел по дороге навстречу им. Так Бог хранил своего избранника. И он благополучно пришел к Аввакуму просить совета, продолжать ли ему юродствовать или “платье vzdѣвъ, жить на Москвѣ?” Подобные рассказы должны были восстановить утраченную к XVII в. веру в чудеса, а значит, и в силу Божью. О чудесах писали все отцы старообрядчества, подчеркивая свою богоизбранность.

Ощущая себя людьми “обновления”, старообрядческие учителя стремились сообщить “престцам” истину о Боге, разобраться во всем,

быть стойкими в делах старой веры. Только свобода духа позволяет человеку стать свободным, спасти свою душу для вечной жизни. Необходимо “очистить ветхость” во имя духовного обновления, “изступить себя”, то есть преодолеть свою греховную природу и обрести себя духовного. Это показывает на собственном примере Аввакум. Преодолеть временную ограниченность человеческого существования можно только через соединение с Богом. Для этого нужно перестать мерить Бога человеческими мерками, а стремиться воссоединиться с ним через веру и поступки. Вся жизнь человека есть выражение Бога, и Аввакум пытается показать свое соединение с Богом через страдания и распятие. Свое расстрижение Аввакум сравнивает с распятием Иисуса Христа, так как через распятие произошло соединение Сына с Отцом, и это дало возможность соединиться Божьему духу с миром, ожидающим Второго Пришествия.

П. Хант подчеркивает, что видение корабля и его плавания по морю жизни в начале жития должно быть прочитано как трансцендентное плавание, а именно распятие. Отсюда фраза: “Объяша мя болезни смертныя, беды адова обретоша мя: скорбь и болезнь обретох”. Плавание по жизни есть постоянная борьба с грехом Адама в себе и вне себя. О том, что воссоединение Аввакума с Богом произошло, свидетельствует видение Анны о палате Аввакума в раю. Устами Аввакума говорит сам Христос. В этом плане особенно важна сцена расстрижения Аввакума после прений о вере с патриархами. “От Писания с патриархами говорилъ много: Богъ отверзъ грѣшныя мое уста и посрамилъ их Христос” (384). Аввакум стал воплощением Бога-Слова. Такова сила духа человека, уверенного в своей правоте, служащего делу истины, “изступившего себя”, соединившегося с Богом. Свое моральное превосходство над патриархами Аввакум показывает через их бессилие опровергнуть его доводы, их гнев. Они набросились с кулаками. Аввакум остановил их словами: “...убивше челоѡка, как литоргисать станете?” Когда они сели, он повалился набок со словами: “Посидите вы, а я полежу”. В ответ на их обвинение в неуважении к патриархам он говорит о своем юродстве Христа ради: “Вы славни, мы же безчестни! Вы сильны, мы же немощни!” - подчеркивая таким образом силу духа, которая превосходит силу власти. Эту же духовную силу показывает Аввакум в сцене казни своих союзников в Пустозерске: “Посемъ Лазаря-священника взяли, и языкъ весь вырѣзали из горла; мало пошло крови, да и перестала. Онъ же и паки говорить без языка” (386). Его отсеченная рука сама сложила “перъсты по преданию” и долго лежала так, исповедая “знамение спасителево неизменно”. Далее чудеса продолжают. “Егда исполнилися два годы, иное чудо: в три дни у него языкъ выросъ совершенной, лишъ маленько тупанекъ, и паки говорит, беспрестанно хваля Бога и отступниковъ порицая” (387). Рассказ о чуде закономерно завершается прославлением Бога: “Дивна дѣла господни и неизреченны судьбы владычни! И казнить допускает, и паки целить и милуетъ... Слава Ему о всем!” (387). Также сообщается о казни

Епифания, инока Соловецкого. Именно к нему, как духовному отцу, обращается Аввакум в своем Житии. Затем он пишет о дьяконе Федоре. Засыпанные землей в срубе узники поют хвалу церкви: “Се еси добра, прекрасная моя! Се еси добра, любимая моя!” Множество народа погибло за веру. Аввакум осуждает мучителей: “Мой Христос не приказал нашимъ апостоломъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ, да висилцею в вѣру приводить” (388). Но затем подтверждает готовность каждого умереть за истинную веру. Аввакум ощущает себя судьей, который выносит окончательный приговор врагам: “Будьте онѣ прокляты, окаянныя, со всѣмъ лукавымъ замысломъ своимъ, а страждущимъ отъ нихъ вѣчная память 3-жды” (388). В конце текста слова прощания: ”А мы за чтущихъ и послушающихъ станемъ Бога молить; наши оне люди будутъ тамъ у Христа, а мы ихъ - во веки векомъ-аминь” (397).

Итак, перед нами самоотчет-исповедь протопопа Аввакума, обращенная к духовным детям и всем русским людям, с тем, чтобы вечно творилась молитва о нем и о всех страдальцах за веру, чтобы память о них навсегда сохранилась в народе.

Контрольные вопросы и задания

- 1. Почему протопопа Аввакума называют вождем старообрядчества и первым русским писателем одновременно?**
- 2. Почему протопопа Аввакума называют огнепальным протопопом?**
- 3. В чем состоит направленность исследовательской мысли в определении жанра Жития протопопа Аввакума?**
- 4. Назовите наиболее яркий эпизод текста Жития Аввакума, характеризующий его как старообрядческого писателя.**
- 5. Приведите примеры библеизмов и живой разговорной речи в тексте Аввакума.**

Список обязательной литературы

1. Виноградов В.В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. – С. 3-41.
2. Герасимова Н.М. К предыстории реалистической символики (Символ и метафора в «Житии протопопа Аввакума») // Вопросы истории и реализма в русской литературе XIX - нач. XX вв. Л., 1975. – С.121-135.
3. Демкова Н.С. Житие протопопа Аввакума (Творческая история произведения). Л., 1974.
4. Поньрко Н.В. Житие Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. XXXIX/ - С. 379-387.

5. Робинсон А.Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты. М., 1963.
6. Хант П. Самооправдание протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. XXXII.
7. Бахтина О.Н. Самоотчет-исповедь в Житии протопопа Аввакума (проблема жанра)// Проблемы литературных жанров. Томск, 1999. - С. 37-45.